И. В. Галактионова

Номинативный аспект категории рода у существительных, входящих в родовые пары [1]

При описании грамматических категорий какой-либо части речи принято уделять внимание их номинативной семантике — тем смыслам объективной действительности, которые находят отражение в этой категории.

Вопрос о соотношении грамматического признака рода существительного с полом называемого этим существительным лица или другого живого существа с той или иной степенью подробности затрагивается в различных грамматических описаниях русского языка (см., например, [Виноградов 1972: 58–65; Русская грамматика 1980: 467–469; Янко-Триницкая 1989: 37–42]).

В настоящей статье речь пойдет о соотношении грамматического признака рода и семантики пола только у существительных в составе так называемых родовых пар. В состав **родовых пар** входят два существительных, формальные различия между которыми сводятся к тому, что одно из них относится к мужскому роду, а другое — к женскому роду, а семантические — связаны с различиями при указании на пол обозначаемых ими лиц или животных и птиц.

Родовая пара — это частный случай «сексуальной парадигмы» (термин М. А. Кронгауза). «В основе сексуальных парадигм и животных, и людей лежит одна и та же логическая схема. Имеется некий ключевой смысл (вид, профессия, национальность и пр.), сочетающийся в принципе со значением пола. Полную сексуальную парадигму представляют, таким образом, три слова со следующими значениями: 1) ключевой смысл; 2) ключевой смысл + ‘женский пол’ (ж); ключевой смысл + ‘мужской пол’ (м), например *гусь* — *гусыня* (ж) — *гусак* (м)... В русском языке наряду с полной сексуальной парадигмой существуют и разного рода дефектные парадигмы, например: *учитель* — *учительница* (ж); *кошка* — *кот* (м); *монтер*» [Кронгауз 1996: 514]. Таким образом, родовая пара — это такая дефектная парадигма, которая состоит из двух слов.

Дефектные парадигмы, состоящие из одного слова, в статье не рассматриваются, так как в таких случаях перед говорящим не стоит

[1] В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный на Ломоносовских чтениях в МГУ в апреле 1996 г. Автор выражает благодарность Ю. Д. Апресяну и Е. В. Петрухиной за замечания и советы, которые помогли в работе над этой статьей.

проблема выбора одного из нескольких слов для называния того или иного живого существа в зависимости от его пола. Входящие в такие парадигмы существительные, если они называют животных (*пантера*, *ястреб*), обычно употребляются для обозначения соответствующего существа любого пола и в любых контекстах [2]; лишь некоторые из них указывают на существо определенного пола (*хохлатка*, *несушка*). Существительные, называющие лиц, могут в зависимости от своего лексического значения указывать либо только на мужчин (*холостяк*), либо только на женщин (*кормилица* — у ребенка), либо на лицо любого пола (*доцент*, *милиционер*), причем в последнем случае сложно утверждать, что это зависит от лексического значения — скорее от устройства жизни [3]. Впрочем, следует заметить, что способность обозначать существо определенного пола, если она у таких существительных имеется, в некоторых случаях утрачивается; ср. замечание Н. А. Янко-Триницкой: «В редких случаях некоторые названия женщин могут с экспрессивной целью применяться к мужчине (обычно в сказуемом): ...*Он самая заботливая нянька*» [Янко-Триницкая 1989: 37]. Не случайно делается уточнение «обычно в сказуемом». Как мы постараемся показать, на изменение соотношения рода и пола может оказывать влияние тип референции существительного, а в позиции сказуемого референциальный статус слова иной, чем, например, в позиции подлежащего.

Что же касается сексуальных парадигм, состоящих из трех слов, они для настоящей статьи специально интереса не представляют, так как всегда могут быть разбиты на пары, каждую из которых можно проанализировать отдельно.

Цель настоящей статьи — показать, что соотношение рода и пола у слов, входящих в родовые пары, не всегда является постоянной характеристикой и может меняться в зависимости от разных условий. Само это обстоятельство уже было замечено лингвистами. Так, например, Н. А. Янко-Триницкая последовательно отмечает, сохраняется ли в формах мн. числа существительного указание на пол, свойственное формам ед. числа; рассматривая слова, «обозначающие лицо по национальности, месту жительства, происхождению и по некоторым другим

[2] Это, конечно, не значит, что в таком случае вообще невозможно указать пол; для этого можно использовать специальные указывающие на пол слова (***женщина-космонавт, самец крысы***) или иные контекстные средства (*космонавт в юбке*).

[3] В значении многих существительных, указывающих на лиц (по профессии и т. д.), пол, по-видимому, вообще не должен фиксироваться, так как информация типа «обычно мужского пола» (см. этот компонент в толковании слова *летчик* у Л. Л. Иомдина [Иомдин 1990: 40]) — это информация о жизни, а не о лексическом значении слова. Является ли информация о мужском поле частью лексического значения слов *поп*, *священник*, *протоиерей*?

признакам: *украинец*, *москвич*, *англичанин*», она пишет: «К этим словам, обычно применяемым к лицам мужского пола, всегда есть парные однокоренные производные существительные ж. р., обозначающие женщин: *украинка*, *москвичка*, *англичанка*... В коррелятах мн. ч. к таким словам указание на пол нейтрализуется, и существительные мн. ч. обозначают лиц обоего пола: *украинцы*, *москвичи*, *англичане*...» [Янко-Триницкая 1989: 38–39]. Таким образом, **число** — это важный фактор, который может влиять на соотношение грамматического рода и номинативного признака пола в существительных.

Н. А. Янко-Триницкая отмечает также, что «существует лексический способ нейтрализации значения мужского пола в подобных существительных м. р. — прибавление к нему прилагательных *каждый*, *всякий*, *рядовой*, *средний*, например: *каждый москвич*, *каждый англичанин*...» [Янко-Триницкая 1989: 39]. Дело здесь, конечно, не в прибавлении именно данных слов, а в том, что данные слова задают особый тип референции именной группы. Существительное может иметь тот же самый референциальный статус и при отсутствии упомянутых слов. Тип референции (**референциальный статус**) существительного — еще один фактор, который влияет на соотношение рода и пола.

Два этих фактора в нерасчлененном виде учтены М. А. Кронгаузом в формулировке тестов, служащих для приписывания словам значения конкретного пола: «Среди используемых тестов три вопроса, связанные с номинацией отдельной особи: можно ли данное слово использовать для называния особи каждого из полов и особи неизвестного (или не важно какого) пола? К ним добавляется один вопрос, связанный с номинацией совокупности: можно ли использовать данное слово во множественном числе для называния совокупности разнополых особей? Слово абсолютно нейтрально по полу, если на все четыре вопроса носитель языка отвечает "да" (например, *волк* или *доктор*). Наиболее ярко выражено значение пола в словах, используемых только для называния особи соответствующего пола и невозможных в трех других ситуациях (например, *петух* или *мужик*). Возможны и различного рода промежуточные случаи. Так, слово *француз* в единственном числе применимо только к мужчине и к неизвестному лицу "французской национальности", но не к женщине, а во множественном нейтрально» [Кронгауз 1996: 515]. Наша задача — не поставить слову окончательный «диагноз» (занимает ли оно крайнее или промежуточное положение на шкале), а проследить, как оно функционирует в конкретных контекстах.

В настоящей статье последовательно рассматриваются два названных фактора, которые могут влиять на соотношение пола

и грамматического рода у существительных, — число и референциальный статус.

Дальнейшее изложение строится на противопоставлении трех принципиально различных с точки зрения референции типов употребления слова:

— **конкретно-референтное** употребление, когда слово указывает на один или несколько конкретных объектов;

— **неконкретно-референтное** употребление, когда слово указывает на класс объектов или на типичных, эталонных представителей этого класса;

— **нереферентное** употребление, когда слово не указывает на какие-либо объекты внеязыковой действительности, не имеет референта и используется только ради своего сигнификата.

Например, слово *поэт* имеет конкретно-референтное употребление в предложении *Поэт прочел свои новые стихи*, неконкретно-референтное употребление — в качестве подлежащего в предложении *Поэт в России больше чем поэт* (Е. Евтушенко); нереферентное употребление — в качестве одного из компонентов сказуемого в том же предложении.

Данная терминология не повторяет полностью ни терминологию Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990: 411–412], ни терминологию Е. В. Падучевой [Падучева 1985: 83–100]. Употребления второго типа мы вслед за Н. Д. Арутюновой считаем референтными, в то время как Е. В. Падучева называет их нереферентными, так как «ни все множество, составляющее экстенсионал, ни его элементы не являются референтами имени» [Падучева 1985: 84], а «родовое употребление является нереферентным, поскольку не обязывает говорящего к признанию существования индивидуализированного объекта в универсуме речи» [Падучева 1985: 97]. Для целей настоящей работы столь сложное понимание референта не является необходимым. Достаточно противопоставлять такие употребления существительных, за которыми стоят объекты действительности (не важно, индивидуализированные или нет) — вслед за Н. Д. Арутюновой мы называем их референтными, — и такие, за которыми не стоит никаких объектов, — Н. Д. Арутюнова называет их нереферентными, а Е. В. Падучева — предикатными употреблениями. Среди референтных — по Н. Д. Арутюновой — употреблений необходимо различать два типа (сама Н. Д. Арутюнова говорит о шести разновидностях референтного употребления [Арутюнова 1990: 411]); для называния первого из них мы используем термин Е. В. Падучевой «конкретно-референтное употребление», а для называния второго — сконструированный по аналогии с первым термин «неконкретно-референтное употребление».

В целях удобства описания смысловых отношений между членами родовой пары мы будем пользоваться терминами, используемыми в фонологии для описания типов оппозиции — **эквиполентная** оппозиция и **привативная** оппозиция [Трубецкой 1960: 82–85]. Если каждый из членов родовой пары называет существо только одного пола, оппозиция эквиполентна; если так себя ведет только один из членов родовой пары, а второй член может называть существо любого пола, то оппозиция привативна, маркированным является первый член, а немаркированным — второй. Используя в грамматике фонологические понятия, мы отдаем себе отчет, что они не могут пониматься в точности так же, как в фонологии (об этом еще будет сказано ниже; см. также [Бондарко 1971: 85–94]); тем не менее они удобны, так как позволяют достаточно компактно описать тип семантического соотношения слов в родовой паре.

Прежде чем начать анализ конкретных языковых фактов, нужно сгруппировать родовые пары по типам, поскольку «поштучное» рассмотрение родовых пар не может быть осуществлено в рамках одной статьи. Одновременно сформулируем некоторые утверждения относительно типа оппозиции по полу в этих разновидностях родовых пар.

Родовые пары можно разделить на такие, оппозиция по признаку пола в которых скорее **эквиполентна**, и на такие, оппозиция по полу в которых скорее **привативна**.

К родовым парам с эквиполентной оппозицией относятся, например, такие: *сын — дочь, юноша — девушка, мужчина — женщина, муж — жена*, в которых слово м. рода обозначает лицо м. пола, а слово ж. рода — лицо ж. пола.

К родовым парам с привативной оппозицией относятся, например, такие: *москвич — москвичка, француз — француженка, читатель — читательница*, т. е. названия лиц, и *слон — слониха, волк — волчица, страус — страусиха*, т. е. названия животных и птиц; в этих родовых парах маркировано слово ж. рода (*москвичка, слониха*), которое обозначает существо ж. пола, и не маркировано слово м. рода (*москвич, лев*), которое может обозначать существа и м., и ж. пола. К родовым парам с привативной оппозицией относятся также пары типа *кот — кошка, баран — овца, селезень — утка*, в которых немаркированным членом является слово ж. рода (*кошка, овца*), а маркированным, наоборот, мужского.

В устройстве родовых пар можно усмотреть следующую закономерность: если ее составляют названия **лиц** и родовая пара образована **супплетивно**, то есть объединяет разнокоренные слова, то оппозиция, как правило, эквиполентна (ср. *сын — дочь*); если родовая пара образована **суффиксальным** способом, независимо от того, включает

ли она названия лиц или животных и птиц, в такой паре оппозиция привативна, и немаркированным членом является слово **мужского** рода (ср. *француз — француженка, волк — волчица*); если супплетивную оппозицию составляют слова, называющие **животных** или **птиц**, оппозиция в такой родовой паре тоже привативна, но немаркированным членом является слово **женского** рода (ср. *селезень — утка*).

Таким образом, на основании следующих признаков: обозначают ли слова лицо или иное живое существо; образована ли пара с помощью словообразовательных средств или в нее входят разнокоренные слова; является ли оппозиция эквиполентной или привативной — можно выделить четыре типа родовых пар. Это пары: 1) типа *сын — дочь*, 2) типа *француз — француженка* [4], 3) типа *волк — волчица*, 4) типа *селезень — утка*.

Рассмотрим теперь эти четыре типа родовых пар с точки зрения того, как зависит тип оппозиции от двух названных выше факторов — от референциального статуса и от формы числа.

Начнем с родовых пар первого типа, то есть супплетивных пар, обозначающих лиц. Оказывается, что тип оппозиции в них один и тот же при любом референциальном статусе и в любой форме числа, а именно слово м. рода всегда называет лицо (лиц) м. пола, а слово ж. рода — лицо (лиц) ж. пола. Ср.: ***Сын** у Ивановых — очень воспитанный мальчик, а **дочь** — удивительно взбалмошная особа* (конкретно-референтное употребление, ед. число); ***Сыновья** Петровых уже женились и живут отдельно, **дочери** же еще маленькие* (конкретно-референтное употребление, мн. число); *Раньше **сын** имел больше прав, чем **дочь**: именно он наследовал все имущество отца* (неконкретно-референтное употребление, ед. число); *Теперь дискриминация устранена: **сыновья** и **дочери** имеют равные права при наследовании имущества родителей* (неконкретно-референтное употребление, мн. число); *Познакомьтесь: Петя — **сын** моих знакомых Ивановых, а Маша — их **дочь*** (нереферентное употребление, ед. число); *На этой фотографии два мальчика — **сыновья** наших хороших друзей — изображены вместе со своими однокурсниками* (нереферентное употребление, мн. число).

Утверждению об эквиполентности как постоянном свойстве оппозиции в родовых парах этого типа противоречат контексты, где слово м. рода ведет себя как немаркированное по полу. Так, например, сочетание *отцы и дети* может иметь значение 'родители и дети', ср.: *проблемы взаимоотношений отцов и детей*, где в неконкретно-референтном контексте слово *отцы* указывает на родителей любого пола. Или, например, в предложении *Все люди — братья* слово *братья* в нереферентном употреблении не сохраняет значения м. пола. Такие контексты, безусловно, должны быть отмечены, однако рассматривать их как свидетельство изменения типа оппозиции, по-видимому, нельзя, поскольку в них слова *отец* и *брат* выступают в другом значении. В этом значении они вообще не имеют родовой пары и должны обозначать лиц любого пола. Любопытно, однако, что именно слова м. рода развивают такие, «немаркированные», значения. Ведь у существительных — названий лиц, образующих родовые пары второго типа (*француз — француженка*), именно слово м. рода является немаркированным.

Теперь перейдем к рассмотрению родовых пар, оппозиция в которых была охарактеризована как привативная; это пары трех оставшихся типов. Поскольку основная цель — описать условия, влияющие на изменение типа оппозиции (если оно происходит), а все эти пары, как утверждается, имеют одинаковый тип оппозиции, удобно рассматривать все такие пары одновременно, анализируя их функционирование сначала в контекстах одного референциального типа, а потом — других типов.

Удобнее всего начать с рассмотрения неконкретно-референтных контекстов. Именно они доказывают, что оппозиция в этих родовых парах действительно привативная. Так, в предложениях с немаркированным членом родовых пар второго типа: ***Москвича** легко узнать по особому московскому говору*; *Обращаясь к **японцу** с просьбой, помните, что «может быть» в его устах означает отказ*; ***Читатель** обязан соблюдать правила пользования библиотекой* — речь идет о лицах любого, а не только мужского пола [5]. Ср. предложения с маркированным членом этих родовых пар, которые утверждают нечто именно о женщинах (*Обращаясь к **японке** с просьбой, помните, что «может быть» в ее устах означает отказ*) и поэтому могут восприниматься как странные, если содержащееся в них суждение трудно связать с полом (?***Москвичку** легко узнать по особому московскому говору*; ?***Читательница** обязана соблюдать правила пользования библиотекой*).

Формы ед. числа могут быть легко заменены формами мн. числа, и речь будет по-прежнему идти о лицах любого пола: ***Москвичей** легко узнать...*; *Обращаясь к **японцам** с просьбой...*; ***Читатели** обязаны...*

[4] Деление родовых пар, включающих названия лиц, именно на такие группы удобнее, чем их чисто семантическое деление на слова, называющие лиц по родству, с одной стороны, и на названия по профессии и под. — с другой (как это сделано, например, у Н. А. Янко-Триницкой). Пары *внук — внучка, племянник — племянница* функционируют так же, как *француз — француженка*, но не как *отец — мать*, хотя семантически они ближе именно к последней паре.

[5] Это те самые контексты, в которые можно поставить слова *каждый, всякий, рядовой, средний*, упомянутые Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1989: 39].

Причем поводом для произнесения этих общих суждений могут послужить наблюдения за москвичкой или японкой, а последняя фраза вполне уместна в разговоре сотрудника библиотеки с не соблюдающей правила читательницей.

Аналогичным образом ведут себя в неконкретно-референтных контекстах и немаркированные члены родовых пар третьего и четвертого типов, т. е. тех, которые состоят из существительных, называющих животных и птиц. Ср.: ***Заяц**-беляк линяет два раза в год* (***Зайцы**-беляки линяют два раза в год*); *В этих местах охота на **гуся** запрещена* (*В этих местах охота на **гусей** запрещена*); ***Кошка** всегда гуляет сама по себе* (***Кошки** всегда гуляют сами по себе*); *Человек одомашнил **овцу** много веков назад* (*Человек одомашнил **овец** много веков назад*).

Таким образом, для всех этих родовых пар действительно характерна привативная оппозиция в неконкретно-референтных контекстах независимо от того, в форме какого числа стоит существительное.

Однако и для этого типа употребления можно привести примеры, когда маркированными оказываются оба члена оппозиции. Это, во-первых, контексты с противопоставлением: ***Учителя** в школе — большая редкость, одни **учительницы***; ***Кошки** ласковее **котов***; а во-вторых, контексты, где есть косвенное лексическое указание на пол: *К **французу** нужно обращаться «месье», а к **англичанину** — «сэр»*; ***Корова** дает молоко*. Контексты противопоставления не являются показательными, так как «наводят» признак пола, и не случайно они обычно не рассматриваются (см. [Кронгауз 1996: 513, 515]). Такими же «наводящими» признак пола следует признать и контексты второго типа.

Теперь рассмотрим конкретно-референтные употребления членов родовых пар трех анализируемых типов.

Предложения типа *Мой знакомый **москвич** говорил мне, что…; Мой знакомый **англичанин** рассказывал как-то раз…; Мой знакомый **учитель** никогда не жалуется на своих учеников* вряд ли могут быть использованы в том случае, если речь идет о женщине. Если вы хорошо знаете, что у ваших знакомых живет кот Васька, а ваш друг-дрессировщик готовит номер с львицей Мартой, вряд ли уместно сообщать, что ***Кошка** ваших знакомых — очень ласковое животное,* а ***Лев** вашего друга с трудом поддается дрессировке*. В этих случаях слово м. рода обозначает только лицо или животное м. пола. Оппозиция становится эквиполентной. Однако все эти примеры связаны с ситуациями, когда говорящий знает пол называемого лица или животного. Частотны, однако, и ситуации, когда пол говорящему не известен. Например, в обычной ситуации, увидев в лесу зайца, мы можем сказать: *Смотри, **заяц** побежал*. О коте или кошке, перебежавшем нам дорогу, мы скажем: *Мне перебежала дорогу черная **кошка***. В этих случаях оппозиция остается привативной. Более того, именно контексты такого рода дают примеры привативной оппозиции в ее фонологическом понимании. Как известно, в позиции нейтрализации выступает немаркированный член смысловой оппозиции и по нему нельзя определить, какая из единиц, составляющих оппозицию, за ним скрывается; между тем известно, что всякий раз это какая-то одна единица, а не обе сразу. Именно в контекстах типа *Смотри, **заяц** побежал* речь идет о существе какого-то одного пола, но неизвестно какого. Приводившиеся ранее примеры неконкретно-референтных контекстов иллюстрируют такую ситуацию, когда за немаркированным членом оппозиции стоит именно любой пол, а не неизвестно какой — мужской или женский.

Итак, когда говорящему известен пол, оппозиция в конкретно-референтном употреблении у рассматриваемой сейчас группы существительных в формах единственного числа является эквиполентной; если пол говорящему не известен, то оппозиция остается привативной и немаркированный член указывает на неизвестно какой пол.

Впрочем, последнее верно не во всех случаях. Если говорящий не знает пола, то он легко употребит немаркированный член родовой пары только в том случае, если речь идет о животных (*За нами гнался **волк***; *Высоко в небе парил **аист***; *Кажется, **кошка** пробежала*); если же речь идет о лицах, подобное вряд ли возможно. Так, фраза *На пороге дома появился **цыган*** не может быть понята в смысле ‘лицо данной национальности неизвестно какого пола’; поскольку пол человека является по крайней мере столь же важным для его идентификации, как и национальность, и говорящий не может претендовать на идентификацию лица, если он не знает его пола. Если же пол ему и в самом деле неизвестен, то соответствующую мысль он должен выразить так: *На пороге дома появился то ли **цыган**, то ли **цыганка***. Таким образом, родовые пары, состоящие из названий лиц, в конкретно-референтных контекстах, независимо от того, известен говорящему пол или нет, изменяют характер оппозиции — она становится эквиполентной.

В формах мн. числа в конкретно-референтных контекстах оппозиция в рассматриваемом типе родовых пар остается привативной, причем опять возможны два типа употреблений немаркированного члена оппозиции. Если говорящему известен пол называемых существ, то выбор им немаркированного члена означает либо что среди называемых объектов представлены существа и ж., и м. пола (т. е. любого пола): ***Англичане** приехали на нескольких автобусах*; *Бездомные **кошки** к вечеру собирались в заброшенном доме*, либо что среди называемых объектов представлены только существа какого-то одного пола: мужчины в случае с англичанами и самки в случае с кошками.

Если говорящему не известен пол называемых существ, немаркированный член оппозиции может указывать и на существа «другого» пола: так, если ожидается делегация англичан, которая впоследствии оказалась состоящей из одних женщин, о ней все равно можно сказать *Англичане приехали на нескольких автобусах*.

Таким образом, конкретно-референтные контексты оказываются неоднородными с точки зрения поведения в них членов родовых пар с привативной оппозицией. В формах мн. числа привативность сохраняется, а в формах ед. числа довольно часто не сохраняется, и оппозиция становится эквиполентной. Сохранению привативности в ед. числе способствует такая разновидность конкретно-референтного употребления, которая называется интродуктивной референцией [Арутюнова 1990: 411]; именные группы с таким денотативным статусом Е. В. Падучева называет слабоопределенными именными группами [Падучева 1985: 90–91]). Подобной референцией обладают слова, впервые использованные в тексте для введения в поле зрения нового объекта. Превращению привативной оппозиции в эквиполентную способствует употребление слова с идентифицирующей референцией (см. [Арутюнова 1990: 411]; по Е. В. Падучевой это определенные именные группы [Падучева 1985: 87–90]), когда речь идет об объекте, уже известном говорящему и слушающему.

Однако неверно было бы считать, что все родовые пары с привативной оппозицией в неконкретно-референтных употреблениях будут в одинаковой степени легко преобразовываться в пары с эквиполентной оппозицией в конкретно-референтных употреблениях. Легче всего это сделать по отношению к родовым парам, состоящим из существительных — названий лиц. Для говорящих весьма существен признак пола лица, он легко определяется и поэтому активно используется для идентификации. Что касается названий животных и птиц, то по вполне понятным, наблюдаемым причинам легче употребляться эквиполентно членам родовой пары *лев — львица*, чем членам родовой пары *заяц — зайчиха, гусь — гусыня*.

В отличие от конкретно-референтного употребления, где актуальны все семантические компоненты толкования слова, в том числе и указание на пол, в нереферентном употреблении у многих слов на первый план выходят дифференциальные компоненты. Это касается прежде всего имен лиц с реляционным значением (*начальник, директор*) и с функциональным значением (*англичанин, учитель*). Говоря про какую-то женщину, что она *не англичанка*, мы отрицаем только национальность, а не пол. Казалось бы, в таких контекстах, где пол

не актуален[6], оппозиция будет функционировать как привативная, и для приписывания соответствующей характеристики женщине всегда можно будет использовать слово м. рода. Однако это не так. Ср. сомнительное ?*Марья Ивановна — **москвич** в третьем поколении* и неправильное **Мадам Вильямс — **англичанин**, а не **американец***. И в том, и в другом случае предпочтительно или единственно возможно слово ж. рода. На фоне таких высказываний фразу *Вильямс — **англичанин**, а не **американец*** надо понимать как относящуюся к мужчине. И, вероятно, так же следует понимать фразу *Милых — **москвич** в третьем поколении*.

Впрочем, так ведут себя не все пары второго типа: ср. при сомнительности фразы ?*Маша — мой лучший **приятель*** абсолютную нормальность фраз *Маша — мой лучший **друг*** и *Иванова — мой непосредственный **начальник***.

Что же касается пар, состоящих из названий животных, то здесь возможны два типа ситуаций: *Кульбит — **слониха** моего друга-дрессировщика* (не **слон*), с одной стороны, и *Это животное — **слон*** (при меньшей вероятности употребления слова *слониха*). В первом случае пол животного заведомо известен и ему должен соответствовать род слова-сказуемого. Во втором он чаще всего неизвестен либо указание на него не входит в задачу говорящего, что обычно для предложений таксономической характеризации (отнесения к классу).

Таким образом, при нереферентном употреблении родовых коррелятов в формах ед. числа оппозиция в рассматриваемых парах может быть и эквиполентной (*англичанин — англичанка, приятель — приятельница*), и привативной (*друг — подруга*). Тип оппозиции может зависеть от логико-грамматического типа высказывания, в котором встретилось нереферентно употребленное существительное (см. примеры со словами *слон — слониха*).

В формах мн. числа при нереферентном употреблении сохраняется привативная оппозиция. Немаркированный член оппозиции обычно может указать и на м. пол, и на любой пол, но не на женский: *Мистер Вильямс и мистер Уайт — **англичане*** (м. пол); *Мистер и миссис Вильямс — **англичане*** (любой, т. е. и м., и ж., пол); *Миссис Вильямс и миссис Уайт — **англичанки*** (не **англичане*) (ж. пол).

Подводя итоги анализа родовых пар типа *француз — француженка, волк — волчица и селезень — утка*, можно сказать, что оппозиция в них является привативной в одних контекстах и числовых формах и эквиполентной — в других. Этим указанные родовые пары от-

[6] О неактуальности такой информации свидетельствуют употребления типа *Он у нас красная девица*; *Он самая заботливая нянька* (примеры из [Янко-Триницкая 1989: 37]); *Из него вышла бы неплохая кухарка* (пример из [Кронгауз 1996: 523]).

личаются от пар типа *отец — мать*, в которых оппозиция не меняет своей характеристики в зависимости от каких-либо факторов и всегда является эквиполентной.

Обзор родовых пар был бы неполным, если бы мы не упомянули о таком специфическом их виде, как пары, представленные словами общего рода [Зализняк 1967: 67]. Они описываются в книге Л. Л. Иомдина [Иомдин 1990: 80–85]. Представляется уместным изложить в нашей статье соответствующие положения этой работы.

Во-первых, автор, вслед за А. А. Зализняком, рассматривает слова общего рода не как одну, а как две словарных единицы, «как две лексемы (два значения) одной вокабулы» [Иомдин 1990: 81]. Во-вторых, он утверждает, что с точки зрения соотношения рода существительного и пола называемого им лица рассматриваемые единицы устроены не одинаково.

С этой точки зрения слова общего рода можно разбить на три группы. Первая из них характеризуется соответствием рода и пола; в нее входят «слова (а точнее, пары лексем)» *сирота*, *книгоноша*, *коллега*, *самоучка*, *скряга* и некоторые другие, а также фамилии типа *Глинка*, *Ким*; ср. толкования, даваемые паре *сирота 1 — сирота 2*: «сирота 1 (м. р.) 'несовершеннолетний человек мужского пола, не имеющий отца или матери'; сирота 2 (ж. р.) 'несовершеннолетний человек женского пола, не имеющий отца или матери'» [Там же: 83]. Оппозиция по полу в таких парах эквиполентна.

Во второй группе родовых пар оппозиция приативная и немаркированным оказывается слово ж. рода; в эту группу входит большинство слов общего рода, например: *зануда*, *неженка*, *неряха*, *обжора*, *разиня*, *тупица*; ср. толкования, даваемые паре *зануда 1 — зануда 2*: «зануда 1 (ж. р.) ≈ 'нудный человек'; зануда 2 (м. р.) ≈ 'нудный человек мужского пола'» [Там же: 83]. Доказательством немаркированности *зануда1* служат правильные фразы *Петя — известная зануда* и *Петина жена — известная зануда*, а также *Не обращай внимания на эту старую зануду!* (в последнем случае речь может идти и о Пете, и о Петиной жене); доказательством маркированности *зануда 2* служит неправильная фраза **Петина жена — известный зануда*.

В третьей группе оппозиция также приативная, но немаркированным оказывается слово м. рода; к этой группе Л. Л. Иомдин относит слово *староста*, а также замечает, что «к этому классу следовало бы отнести все названия профессий и рода занятий — *врач*, *инженер*, *агроном*, *биолог* и т. п., не имеющие пары в женском роде и употребляющиеся в конструкциях типа *наша врач*, *агроном велела* (если считать такие конструкции вполне литературными)» (Там же: 84); ср. толкования, даваемые паре *староста 1 — староста 2*: «староста 1

(м. р.) ≈ 'член коллектива, уполномоченный осуществлять связь с руководством'; староста 2 (ж. р.) ≈ 'член коллектива женского пола, уполномоченный осуществлять связь коллектива с руководством'» [Там же: 83]. Доказательством немаркированности *староста 1* служат правильные фразы *Нашего бывшего старосту звали Ваня* и *Нашего нового старосту зовут Маша*, а также *Стоило ли выбирать нового старосту?* (в последнем случае речь может идти о лице любого пола); доказательством маркированности *староста 2* — неправильная фраза **Нашу бывшую старосту звали Ваня*.

В примерах, используемых в работе Л. Л. Иомдина, слова общего рода имеют разные референциальные статусы, маркированность/немаркированность одной лексемы проверяется в конкретно-референтном употреблении, другой — в нереферентном, однако ни одна из них не рассматривается последовательно во всех типах контекстов. Если рассмотреть функционирование слов общего рода в разных контекстах, то, возможно, окажется, что тип оппозиции и у этих слов не всегда является постоянным. На такое предположение наталкивает, например, анализ следующих предложений: *В цивилизованной стране ни один* ***сирота*** *(ни один из* ***сирот****) не должен оставаться без попечения* и *Ни одна* ***сирота*** *(ни одна из* ***сирот****) не должна оставаться без попечения*. По-видимому, при выражении этой мысли следует предпочесть один из способов, правда, не вполне понятно какой. Но при любом варианте выбранная лексема будет указывать на существо любого пола, значит, в неконкретно-референтном употреблении оппозиция в данной родовой паре становится приативной[7], в то время как Л. Л. Иомдин характеризует ее как эквиполентную. Однако в рамках настоящей статьи эта задача может быть лишь поставлена. При анализе того, как влияет изменение формы числа на тип оппозиции в этих родовых парах, возникают сложности, связанные с невозможностью в большинстве случаев употребления форм мн. числа определить, с лексемой какого рода мы имеем дело.

Безусловно, имеются и другие факторы, которые могут влиять на изменение соотношения рода существительного и пола называемого им существа. Л. Л. Иомдин называет такой фактор, как «особенности коммуникативной организации фразы» [Иомдин 1990: 41]. Сравнив неправильную фразу **Моя сестра — студент (актер, пловец)* со вполне приемлемой *Моя сестра — хороший студент (настоящий актер, начинающий пловец)* (и в той, и в другой рассматриваемые существительные используются в одном и том же референциальном стату-

[7] А если правильны оба способа выражения данной мысли, то противопоставление и вовсе исчезает.

се и в форме одного и того же числа), он отмечает, что «при наличии у именного сказуемого оценочных определений, переводящих определяемое ими слово в тему предложения (второго порядка), подлежащее со смысловым компонентом 'женский пол' может в определенных случаях сочетаться со сказуемым, содержащим компонент 'мужской пол'» [Там же]. Однако, как отмечает Л. Л. Иомдин, не все существительные приобретают способность указывать на лиц женского пола при наличии определений; ср. одинаково неправильные фразы **Моя сестра — блондин* и **Моя сестра — яркий блондин*. Правильность фразы *Моя сестра казалась школьником (вела себя как расшалившийся школьник)* при неправильном **Моя сестра — школьник* определяется «семантическими особенностями глагольной части сказуемого» [Там же].

Можно обратить также внимание на следующую пару фраз: *До чего надоело слушать эту зануду!* и *Эта зануда всем надоела.* Слово *зануда 1* (ж. р.), немаркированный член оппозиции, в первом случае может употребляться и если речь идет о мужчине, и если речь идет о женщине; вторая же фраза вряд ли приемлема в ситуации, когда занудой является мужчина. При этом в обеих фразах *зануда 1* используется в одном и том же референциальном статусе и в форме одного и того же числа. Видимо, согласование глагола в большей степени «связано» с указанием на реальный пол, чем согласование прилагательных.

В работе Л. Л. Иомдина утверждается, что «перечень подобных факторов можно было бы продолжить» [Иомдин 1990: 41], однако в ней он не продолжен. Данная статья и является попыткой такого продолжения, хотя совершенно ясно, что до окончательного завершения исследования номинативных возможностей субстантивного рода еще далеко.

Литература

Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.

Кронгауз М. А. Sexus, или проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. М., 1989.